

РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

© 2022 г. Н. В. Кроткова^{1, *}, Д. В. Пожарский^{2, **}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Москва

*E-mail: krotkova2012@yandex.ru

**E-mail: dimapozharskiy@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.02.2022 г.

Аннотация. Приведен обзор состоявшегося в Академии управления МВД России Всероссийского «круглого стола» на тему «Российская государственность и вызовы XXI века», приуроченного ко дню Конституции РФ. В мероприятии приняли участие ученые Института государства и права Российской академии наук, Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессорско-преподавательский состав Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), сотрудники Академии управления МВД России и др.

Основными вопросами «круглого стола» стали тенденции развития Российского государства на современном этапе, вызовы XXI века и проблемы трансформации государства и права, задачи сохранения духовно-культурной основы правовой системы России и многие другие.

Ключевые слова: российская государственность, вызовы XXI века, Конституция РФ, трансформация государства и права.

Цитирование: Кроткова Н.В., Пожарский Д.В. Российская государственность и вызовы XXI века // Государство и право. 2022. № 5. С. 165–180.

DOI: 10.31857/S102694520019866-3

RUSSIAN STATEHOOD AND CHALLENGES OF THE XXI CENTURY

© 2022 N. V. Krotkova^{1, *}, D. V. Pozharskiy^{2, **}

¹Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

²Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Moscow

*E-mail: krotkova2012@yandex.ru

**E-mail: dimapozharskiy@yandex.ru

Received 22.02.2022

Abstract. The review of the All-Russian “Round Table” held at the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia on the topic “Russian statehood and challenges of the XXI century”, dedicated to the Constitution Day of the Russian Federation, is given. The event was attended by scientists from the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, the teaching staff of Lomonosov Moscow State University, of Kutafin Moscow State Law University (MSLA), employees of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia and others.

The main issues of the “Round Table” were the trends in the development of the Russian state at the present stage, the challenges of the XXI century and the problems of transformation of the state and law, the tasks of preserving the spiritual and cultural foundations of the legal system of Russia and many others.

Key words: Russian statehood, challenges of the XXI century, the Constitution of the Russian Federation, transformation of the state and law.

For citation: Krotkova, N.V., Pozharskiy, D.V. (2022). Russian statehood and challenges of the XXI century // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 165–180.

15 декабря 2021 г. в Академии управления МВД России состоялся Всероссийский «круглый стол» «Российская государственность и вызовы XXI века», приуроченный ко дню Конституции РФ.

«Круглый стол» открыли **заместитель начальника Академии управления МВД России, д-р юрид. наук, проф. Н.В. Павличенко** и **Председатель Комитета Государственной Думы по науке и высшему образованию, канд. юрид. наук, доц., заслуженный юрист РФ С.В. Кабышев**.

Ниже приведены доклады участников научного мероприятия.

* * *

Д.В. Пожарский, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России, д-р юрид. наук, доц. *Вызовы XXI века – фактор развития функций государства*

Вызовы современной эпохи – это вызовы не только (и не столько) государству, но и обществу. Разница в том, что, в отличие от общества, государство берет на себя ответственность за способность отвечать на них, либо общество возлагает на него ответственность за реализацию социальных ожиданий. Так или иначе, вызовы государству – это проверка его способности управлять, т.е. функционировать. Функции государства – понятие управленческое и регулятивное. Следовательно, в их системе и содержании проявляются ценность и незаменимость государства как единственной эффективной формы организации современного общества.

Вызовы в большей степени выступают движущей силой изменения содержания функций и в меньшей степени влияют на их систему. Система функций государства относительно неизменна. Её ядро образуют две опорные и имманентные функции государства – созидательная и охранительная. В них проявляется та роль, которую часть (государство) выполняет по отношению к целому (общество), а именно обеспечение непрерывного развития общества и сохранение достигнутых результатов. Содержание и структура этих функций зависит от исторических типов и форм государства, особенностей развития на конкретном историческом этапе, включая современный.

Возвращаясь к вызовам, остановлюсь на цифровизации и, пожалуй, главном её продукте – искусственном интеллекте. Не берусь утверждать, что это главный вызов современной эпохи, но то, что цифровизация проникает во все сферы жизни и не оставляет практически никого равнодушным, – бесспорно. Её развитие есть объективно происходящий процесс, в котором немало плюсов. Однако потенциал цифровых технологий имеет определенные границы, особенно в сфере права и политики.

Не следует забывать, что «цифра» и искусственный интеллект функционируют по законам физики, а государство и право метафизичны.

Тем не менее на этот вызов государству и праву придется отвечать совместно, в очередной раз показывая неразрывную обоюдную связь. Вопрос о роли искусственного интеллекта в государственно-правовой реальности, включая соотношение с интеллектом естественным, придется ставить и решать. В этом контексте непременно обнажится проблема прав человека и достоинства личности. Достоинство и права человека – это правовое общение, в т.ч. борьба, но это общение с себе подобными. Уцелеет ли естественное право человека на общении с себе подобными? Сможет ли на равных соперничать человек с машиной в сфере права, и как быть в данном случае, скажем, с принципом равенства перед законом и судом?

Ответ на эти вопросы окажется в т.ч. в плоскости теории права и государства, в плоскости функций государства (охранительная или созидательная) типа правового регулирования (дозволять и стимулировать или запрещать и ограничивать). Время покажет, но искусственный интеллект следует рассматривать в качестве не только источника повышенной опасности, но также и фактора, развивающего государство, побуждая его совершенствовать технологии публичного управления и правового регулирования. «Цифра» проникает в функции, обуславливает методы и формы их реализации, но не только. Вместе с тем она обязывает государство выбрать оптимальную комбинацию охранительной и созидательной функции. «Догнать и перегнать Америку» или хотя бы не сильно отстать, повышать уровень цифровой грамотности и т.д. – эти цели и принципы становятся компонентом созидательной функции государства, регулятивной функции права, диспозитивного метода правового регулирования (дозволений, обязываний и юридических стимулов), главным образом отраслей или институтов гражданского права, быть может, формирующейся отрасли – цифрового права¹.

Нейтрализация социально-травмирующего потенциала искусственного интеллекта – задача охранительной функции государства и права, охранительных отраслей и правовых институтов и находящихся в их арсенале юридических средств: запретов и ограничений. Устоит ли государство, не заменит ли публичную власть «коллектив»

¹ См., напр.: *Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В.* Обзор методологического семинара на тему «Цифровое право: методология исследования» (18 апреля 2019 г., Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский филиал Института государства и права РАН) // *Государство и право*. 2019. № 8. С. 122–128. DOI: 10.31857/S013207690006253-0

новейших чиновников-ботов с искусственным интеллектом? Думаю, что опасения за жизнеспособность государства не более чем преувеличение. Его исчезновение уже прогнозировали. Пожалуй, самым «свежим» примером служит теория сторонников Маркса об отмирании государства (Ф. Энгельс, В.И. Ленин). По мере исчезновения классовых антагонизмов государство как орудие, обеспечивающее экономическое и политическое доминирование того, в чьих руках оно находится, отмирает за ненадобностью. Однако мы прекрасно видим, что классовая составляющая (несмотря на заметное сокращение в официальном словоупотреблении) никуда не исчезла. Не только сохранена, но и юридически гарантирована атрибутами классового общества: частная собственность на средства производства и её эксплуатация, диспропорции в распределении продукта, формы классовой организованности.

Второй вызов отчасти является следствием первого и кроется в теоретическом отражении государства. Сегодня «в тренде» (как модно выражаться) изображение государства в самых разнообразных цифровых концептах, смыслах и метафорах. Сложно удерживать в памяти «цифровые» прилагательные к существительному «государство», при помощи которых современные авторы пытаются обосновать его новую сущность, формы и содержание. «Цифровое управление», «цифровое правосудие», «электронное правительство», «электронное государство» и т.п. Складывается впечатление, что «цифра» изменила государство до неузнаваемости. Неужели у него не осталось классовой сущности и функций, социального назначения, форм, аппарата управления (механизма), суверенитета и иных неотъемлемых свойств..? Каковы же риски такого крена.

Во-первых, тенденция к объяснению государства при помощи цифровой терминологии отнекает его главные и сущностные свойства, познавательный и политико-практический потенциал которых не исчерпан. Повторюсь, цифровые технологии проникают в функционирование государства, но они должны использоваться ровно в той мере, в какой они превосходят человека в способности управлять или быть управляемым и обеспечивать базовые ценности общества.

Во-вторых, цифровизация препятствует преодолению излишне «механизированного» понятия о государстве (машина, аппарат и т.д.). Традиционно его механизм образуют органы, учреждения, институты и т.п. Куда делись носители публичной власти — люди? Потенциал антропологического подхода позволяет обогатить представление о государстве, особенно оно способствует познанию его функций. Функции государства в конечном счете складываются из юридически значимых

поступков носителей публичной власти — людей. Известно, что право имманентно человеку и появляется вместе с ним. Социальное управление, публичная власть и государство не менее антропологичны и имманентны человеку. Методологические установки «познавая право, познай прежде человека» или «где общество, там и право» и им подобные долженствования применительно к государству (при замене права на государство) остаются вполне состоятельными.

С.Н. Бабурин, главный научный сотрудник, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований Института государства и права РАН, профессор Московского университета им. С.Ю. Витте, д-р юрид. наук, заслуженный деятель науки РФ. *Нравственные трансформации конституционализма и проблемы контроля общества над публичной властью*

Внесенные в Конституцию РФ поправки (ст. 67.1 и др.) свидетельствуют об укреплении традиционных ценностей в нашем обществе. Обращают на себя внимание слова Президента РФ, озвученные в послании Федеральному Собранию РФ в апреле 2021 г. о том, что весь мировой порядок вступил в полосу абсолютной неопределенности, в которой человечество может погибнуть и без ядерной войны. Но мы можем изменить ситуацию и развиваться в сторону совершенствования технологий, укрепления социальной сферы. Однако, куда мы пойдем, сегодня предсказать невозможно. В октябре 2021 г., принимая участие в заседании Валдайского клуба, Президент РФ призвал укреплять здоровый консерватизм, признал, что модель капитализма, к которой мы привыкли и на которую ориентировались последние 30 лет, себя исчерпала. В связи с этим глава государства отметил необходимость укреплять социальную сторону государства.

В условиях внешних угроз мы должны формировать цельную легитимную систему власти, в связи с чем не случайно в Конституции РФ появилось понятие публичной власти. Для юристов это понятие не новое. Публичная власть — это тот признак государства, без которого государство не существует. Но почему в XXI в. мы констатируем, что термины «государственная власть», «муниципальная власть» не охватывают всей полноты явления в отношении с обществом?

Принятый Федеральный закон от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» развивает положение ст. 80 Конституции РФ, согласно которой на Президента РФ возлагается обязанность согласовывать функционирование и взаимодействие всех органов власти, входящих в единую систему публичной власти. Эта единая публичная власть ныне формирует

опирающуюся на авторитет главы государства всю структуру властей. В результате сглаживается нелепый разрыв между государственной властью и муниципальной, который возник, когда мы в 1993 г. при принятии действующей Конституции РФ оторвали муниципальную власть и сказали, что она вообще не имеет к государству никакого отношения. Сейчас мы говорим о том, что это единая публичная власть. Кроме того, речь идет, конечно, о принципиальном укреплении президентской власти вплоть до сравнения или аналогии с властью Российского императора.

Я являюсь сторонником возвращения Российской Империи, потому что только тогда мы сможем вернуться к идее «Москва – третий Рим», поскольку без русского царя осуществление этой идеи невозможно. Но в то же время необходимо иметь в виду, что империя – не всегда монархия. Империя – это качественное состояние цивилизации, а Россия испокон веков была цивилизационным союзом народов: славян, тюрков, угро-финнов и многих других, соединенных православным мироощущением и русским языком. Поэтому нет ничего страшного в том, что идет усиление публичной власти. Опасность в другом – в том, чтобы эта власть не осталась бесконтрольна со стороны общества. Поэтому и возникает необходимость формирования и конституирования, т.е. закрепления в Конституции структур, которые обеспечили бы обществу контроль над любой публичной властью.

Народный контроль, зарождавшийся на закате Советского Союза, был недооценен по своему социальному значению, но представлял зачатки того правового социального государства, о котором мы говорили, и представлял собой контроль над государственной и муниципальной властью. Ныне для контроля над публичной властью необходимо формирование органов духовно-нравственного порядка.

Далее докладчик обратил внимание на то, что в своей книге «Нравственное государство. Русский взгляд на ценность конституционализма»² он не призывал к построению теологического государства. Духовно-нравственное государство предполагает то, что духовные авторитеты общества должны иметь право «тормозить публичную власть, когда ее заносит на поворотах». И опыт такой есть: для каких-то стран – это исламские улемы, для других – это элита интеллектуальная, элита духовная. Такая же духовная элита должна быть сформирована и в нашей стране. Причем эти «духовные» органы должны быть более независимы от органов исполнительной власти, поскольку сегодня, по мнению С.Н. Бабурина, фактически представительная

² См.: Бабурин С.Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценность конституционализма. М., 2020.

и судебная власти тесно взаимосвязаны с властью исполнительной.

Процесс формирования органов духовно-нравственного контроля достаточно сложный и требует постановки задачи формирования нравственного государства.

Представляет особую важность определение целей развития российского государства и общества. Без цели развития общества мы будем ходить по кругу. Социализм забыли, от него отреклись, капитализм нигде не закрепили, сформировав общество, которое сложно отнести даже к капиталистическому. Нам нужен новый общественный строй, который будет лучше и социализма, и капитализма. В 1990-е годы в Институте государства и права РАН акад. В.С. Нерсесянцем было предложено понятие «цивилитарное общество». Это понятие необходимо дополнить духовно-нравственным элементом. В таком случае общество будет благополучным, а государство – честным и эффективным.

В.В. Лазарев, главный научный сотрудник центра фундаментальных исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ. О силе и бессилии права в ответах на вызовы XXI века

Право – это сила, но не всесильное средство. С точки зрения позитивизма право может реагировать на вызовы с помощью законов, подзаконных актов, с социологической точки зрения – посредством судебных актов. Однако наиболее пригодно для ответа на серьезные вызовы XXI века право в его естественно-правовом смысле. Во-первых, такое право является высокоморальным и наиболее тесно связано с человеком. Такое право противостоит государству в тех случаях, когда необходимо ограничить его власть. Оно закрепляет и общечеловеческие ценности. В то же время потенциал использования естественного права в противостоянии современным вызовам не в полной мере раскрыт.

Таких вызовов несколько. Во-первых, пандемия коронавирусной инфекции и другие заболевания. Само государство в лечении этих заболеваний бессильно. Оно может в какой-то степени воздействовать на процессы распространения, предотвращения распространения заболеваний. Однако и в этом вопросе возможности государства ограничены.

Вторая угроза – угроза экологического свойства. Возможно, пришло то время, когда Ж.-Ж. Руссо мог уже не воскликнуть: «Верна одна природа». Природа уже не верна нам постольку, поскольку мы нарушаем сплошь и рядом законы природы,

природа мстит человеку. Каковы возможности права в этом плане — на эти вопросы предстоит ответить юриспруденции.

Следующая угроза — проблема перенаселения и голода. Эти озабоченности высказывал еще К. Маркс. При этом данная угроза имеет как свои плюсы, так и минусы. Сегодня может стать угрозой возрастание средней продолжительности жизни. Предполагается, что человек будет жить до 150 лет, в связи с чем многие опасаются, что очень много рухнет в наших отношениях в связи с возрастанием этого среднего уровня жизни. Возможности права воздействовать на соответствующие бифуркации никто практически не изучает.

Необходимо скорректировать и само понятие «угроза». В энциклопедиях оно связывается с субъективным моментом, поскольку предполагает запугивание, наличие носителей угроз, которые обещают применить какие-либо санкции. Нужно более широко понимать угрозы и уподоблять угрозу опасности заметной вероятности наступления нежелательных явлений. В таком смысле угрозы могут быть и объективными.

Сила и бессилие права проявляются дифференцированно и зависят от следующих обстоятельств. Во-первых, следует учитывать, какое право (в каком понимании), с помощью каких источников может противодействовать соответствующей угрозе. Во-вторых, какая сфера правового регулирования подвергается угрозе. В качестве иллюстрации ученый обратил внимание на современные угрозы, которые возникают в сфере науки и образования. В-третьих, какая функция права задействуется в ответе на угрозу. На соответствующие угрозы может отвечать регулятивная, охранительная, идеологическая функция (последняя используется недостаточно). В-четвертых, наряду с функциями нужно учитывать, какие методы можно использовать в предотвращении, ослаблении или в исключении угроз. Наконец, в-пятых, необходимо учитывать масштаб угрозы. В условиях глобализации следует ослаблять те негативные последствия, угрозы, которые она за собой влечет.

Все сказанное обрисовывает предмет каких-то коллективных академических и прикладных исследований, которые нуждаются, учитывая серьезность угроз, в создании координационного центра и в необходимом финансовом обеспечении. При этом научные усилия следует предпринимать быстрее, поскольку глобальный вызов, который стоит перед научным сообществом, — то, что специалисты называют *ускорением исторического времени*. Никто не властен, никакой закон, никакие юристы не властны противостоять ускорению исторического времени. Это тот вызов, ответы на который предстоит искать.

С.А. Авакьян, зав. кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ. Конституционно-правовое развитие России: некоторые проблемы

1. Позитивной тенденцией следует считать то, что принципиально изменилось отношение к Конституции РФ — от консерватизма к возможной трансформации конституционного текста. В итоге решительность Президента РФ В.В. Путина — «конституционной реформе быть!» — пришлось сознательно сочетать с тем, что немало положений, «просящихся» в главы об основах конституционного строя, о правах и свободах граждан, нашли отражение в последующих положениях Конституции при ее совершенствовании в 2020 г.

В связи с конституционной реформой выявились некоторые проблемы:

вся реформа проведена под знаком развертывания категории публичной власти; правда, она пока не нашла своей расшифровки в обновленном тексте, ее связь с закрепленным в ст. 3 Конституции РФ народовластием как важнейшей основой нашего конституционного строя пока не раскрыта;

не удалось уйти от противоречия, когда в главе об основах конституционного строя вынужденно осталась норма об отделенности местного самоуправления от органов государственной власти (ст. 12), что идет вразрез с позициями Конституционного Суда РФ и ст. 132 Конституции РФ, которая гласит, что местное самоуправление и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации;

не получилось ясного отражения в Конституции категории гражданского общества и соответственно общественной власти как самостоятельной линии публичной власти. Вместо отдельного регулирования этих моментов либо в гл. 1 об основах конституционного строя, либо в специальной главе Основного Закона об институтах гражданского общества упомянули в ст. 114 Конституции РФ, посвященной полномочиям Правительства РФ, вольно или невольно привязав указанные институты к федеральной исполнительной власти. Хотя ясно, что о гражданском обществе надо говорить как о структуре самостоятельной, а задачи ее совершенствования лучше было бы связать в первую очередь с Президентом РФ;

в Конституции РФ появились слова о «взаимном доверии государства и общества», но их поместили там, где речь идет об экономическом росте страны (новая ст. 75.1), хотя это больше относится к конституционному строю.

Общая перспектива очевидна — улучшение текста Основного Закона, включение в него ключевых норм, если этого требует новое время.

2. Говоря о конституционно-политическом и конституционно-правовом развитии страны, приходится констатировать крайне нежелательное явление — видимость политической и партийной активности и пассивность, а то и безразличие населения. Регулирование идет неплохо — оно началось с конституционной реформы и сейчас продолжается, причем перспективы завершения не видно: и федеральный уровень меняется, и включаются в процесс все 85 субъектов Российской Федерации, а это ведь их конституции, уставы, богатство законов. Но ряд явлений подавляют всё и всех, в их числе COVID-19; обещанные при конституционной реформе улучшения материального положения, рост минимальных размеров оплаты труда и индексация пенсий разбиваются о «свободу» ценообразования и опережающий рост цен; расползание нищеты и т.д.

3. Ряд постулатов нашей жизни (даже при отражении в Основном Законе) все-таки нуждаются в том, чтобы стали более четкими правила их применения, что связано с четким распределением властных полномочий между уровнями публичной власти. Не лучшим решением явилась возможность передачи субъектам Федерации полномочий Российской Федерации не только в сферах совместного ведения, но и исключительного ведения Российской Федерации. Есть вопросы и к формированию новых федеральных территорий, качеству отбора кандидатов на должность глав субъектов Российской Федерации.

4. К сожалению, приходится говорить о необходимости заботиться о качестве конституционно-правового *нормативного* регулирования. Речь идет о нежелательности включения в Конституцию РФ норм, которым все же место в подконституционном регулировании (например, вопросы второго гражданства чиновников и депутатов). Другой момент: включение в текст Конституции какого-то понятия предполагает ясность его толкования и восприятия. Например, если ранее мы говорили, что кандидатура на пост Председателя Правительства РФ представляется Президентом РФ Государственной Думе на согласование, а после этого кандидат назначается Президентом РФ на этот пост, всё было ясно. Теперь же мы читаем, что представленная Президентом РФ кандидатура *утверждается* Государственной Думой, а далее *назначается* Президентом РФ, мы начинаем искать в словарях и не можем найти разницу в понятиях. Или еще: находим норму о том, что от Совета Федерации требуются *консультации* по ряду должностей... И не можем разобраться, в чем сила

таких консультаций. Допустим, что Государственная Дума не утвердила трижды кандидата на пост Председателя Правительства РФ и за это может последовать ее роспуск, а будет ли что-то Совету Федерации за «отказную» консультацию?

Уже давно ставится вопрос о необходимости конституционной логики и конституционной культуры регламентации общественных отношений. К сожалению, это требование зачастую не соблюдается. В итоге в определении статуса субъектов конституционно-правовых отношений мы получаем неувязки и как результат — нестабильность политического развития.

А.В. Корнев, зав. кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф. *Современные модели государства: выбор для России*

Современный мир вступил в XXI век со многими старыми проблемами, которые дополнились новыми, еще более угрожающими. Еще совсем недавно мы пребывали в состоянии определенной эйфории на волне бурно начавшейся четвертой промышленной революции и перехода к VI технологическому укладу. Однако течение, казалось бы, революционного пути развития неожиданно прервалось невесть откуда взявшейся пандемией. Здесь очень много непонятого, туманного. На этом фоне резко возросли различного рода конспирологические версии происходящего. Не без этого. Мировая экономика переживает небывалый стресс. Падение производства, рост цен, инфляция. Возрастают протестные настроения. Все это происходит на наших глазах. В то же время доходы фармкомпаний заоблачные. Это еще раз показывает, насколько сложным стал наш мир. В 1902 г. английский экономист Дж. Гобсон вводит понятие «империализм» как принципиально новую стадию в развитии капитализма. Ему казалось, что на этой стадии будут стираться национальные границы. Политика, экономика, культура, образ жизни будут приобретать унифицированный характер.

Весьма трудно давать оценку современной действительности. Ещё каких-то два года назад человечество рисовало радужные перспективы. Глобализация, гарантированное потребление, технологии, безопасность доминировали в общественном дискурсе. И вдруг всё «накрылось» в буквальном смысле этого слова. Некоторые эксперты уже объявили о смерти глобализации и урбанизации как главного тренда развития. Может быть, так оно и есть. Тем не менее наука в очередной раз получила серьезный повод для осмысления тех процессов, которые мы наблюдаем. Никто не берется предсказать, чем всё может закончиться. Оракулов заметно поубавилось. Без труда улавливается

некоторая растерянность в умах. В истории такое бывало не раз. В конечном счете рациональный вектор дальнейшего развития будет найден. В этом нет никаких сомнений. А что сегодня? Представляется, что очень точный диагноз дал известный писатель А. Проханов в свойственной только ему манере. Он считает, что мы наблюдаем формирование нового глобального проекта, который он метко назвал Великим Обнулением. Конкретно, этот новый проект отрицает все прежние либеральные, христианские, фашистские, советские или исламские проекты, и возникает *некое технотронно-ковидно-электронное состояние*, когда меняется всё и вся, в т.ч. и само человечество, и философия, и вся наша жизнь.

Исследования показывают, что мировое сообщество более всего заботят три проблемы: безопасность, растущее неравенство и разочарование в демократических институтах. Все это вместе порождает протестные настроения во всем мире. В начале ноября 2021 г. в Нью-Йорке вышел доклад «Мировые протесты: исследование ключевых вопросов протеста в XXI веке». Информацию о более чем 900 протестных движениях или эпизодах в 101 стране с 2006 по 2020 г. проанализировала международная группа исследователей из Инициативы политического диалога в Колумбийском университете и аналитического центра Фонда Эберта (ФРГ). Выводы авторов сводятся к тому, что мы переживаем период истории, подобный 1848, 1917 или 1968 г., когда «большое количество людей восставало против существующего порядка вещей, требуя перемен». Авторы видят две главные причины: провал демократии — 54%, растущее неравенство — почти 53%. Под «провалом демократии» подразумевается ощущение неэффективности политической системы и неучётность своих интересов. Коррупция, условия труда, слабость госслужб и бездействие в связи с изменением климата также вызывают немало недовольства³.

Нельзя не видеть определенный застой, а где-то и разложение, которое наблюдается в большинстве западных стран. Это касается прежде всего кризиса в сфере социального развития. Бациллы этого разложения дошли и до России. *В молодежной среде явственно набирает обороты откровенно дегенеративная гедонистическая ориентация*. Все большее количество людей начинают понимать, что демократические институты — всего лишь ширма, вуалирующая власть элит, которую они не намерены выпускать из своих рук. Наполеон Бонапарт, плоть от плоти абсолютной власти, с присущим ему цинизмом говорил: «Республика во Франции невозможна: благоверные республиканцы — идиоты; все

остальные — интриганы»⁴. Еще одна явно выраженная тенденция современного мира — *сознательная хаотизация социальных отношений*. Хаос как метод управления миром показал свою эффективность. Главное — не допустить хаоса у себя в стране. Или допускать его в известных пределах, чтобы иметь законный способ вмешиваться в ход событий.

Не преследуя цель упростить ситуацию, выскажем предположение о некоторой зависимости моделей государства в современном мире от тех проблем, которые являются наиболее актуальными. Если проанализировать современные политико-правовые учения, то в них более или менее объективировались следующие модели государства: либеральные (в т.ч. государство труда); неоклассические концепции (используют институт чрезвычайного положения как постоянной управленческой политической практики); государство-плеймейкер (ключевой игрок на социальном поле); корпорация-государство; государство-корпорация; корпоративное государство без корпорации и проч.

Самое главное заключается в том, чтобы мы сами делали выбор. Не обязательно из тех моделей, которые существуют сейчас. И не так, как формировалась правовая система в 90-х годах прошлого века. Обыватель не знал, как и подавляющее большинство юристов, что грант от Института международного развития USAID (США) на реформирование юридической системы России и создание рынка капитала получил... Гарвардский университет. Была создана группа под руководством экономиста А. Шлейфера, близкого друга Г. Саммерса, некогда министра финансов, которая разработала планы по продаже 15 000 государственных предприятий, а 150 млн российских граждан получили ваучеры, удостоверяющие их права на акции⁵. Дальнейшее известно. Сегодня Россия все уверенней обретает политическую субъектность. Это обстоятельство внушает осторожный оптимизм.

Т.Н. Радько, профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, заслуженный юрист РФ. XXI век и задачи сохранения духовно-культурной основы правовой системы России

Правовая система России — важнейший и неотъемлемый элемент российской государственности. Вызов российской государственности — это одновременно и вызов ее важнейшим фундаментальным составляющим: праву, правопорядку, правовой культуре, правосознанию, правовой идеологии, юридической практике и т.д., которые

⁴ Цит. по: Нонте С. Франция. Полная история страны. М., 2020. С. 277.

⁵ См.: Валянский С. За какие идеи мы умираем. М., 2005. С. 286.

³ См.: Крашенинникова В. Слышать протест // Лит. газ. 2021. 10–16 нояб.

характеризуют российскую правовую систему как самобытную, исторически самостоятельную, не совпадающую с другими правовыми системами по многим качественным признакам.

Правильно пишет проф. В. Н. Синюков, что российская правовая система не вмещается в идеологические, логические, культурно-исторические рамки романо-германской правовой семьи. Она относится к самостоятельному типу культурной организации, у нее своя ментальность, свои моральные и социальные институты, собственный тип экономического государственно-правового уклада, трудовой этики.

Российской правовой системе противостоят несколько очевидных вызовов. В первую очередь следует назвать внешние вызовы — это глобализм и неолиберализм. Глобализм имеет целью разрушить национальную правовую систему и сформировать совершенно другую, чужеродную. С новым порядком, с другой правовой культурой, иным правосознанием и в конечном счете с другим правом.

Это заметно в нашем главном правовом документе — Конституции, написанной под диктовку западных и российских либералов. Например, такие новообразования, как идея разделения властей, институт президентства, раздел прав человека, в котором отсутствует завоеванное кровью не одних поколений право на труд, местное самоуправление, оторванное от механизма государства, вместо понятного народу органа власти «совет» появилось непонятное «муниципальная власть» и т.д.

Конституция и последующее законодательство, следуя духу и идеям неолиберализма, вместо исторических традиций коллективизма, товарищества, взаимоподдержки, сочувствия, составляющих духовную основу жизни российского народа, вольно или невольно насаждают эгоизм, индивидуализм, культуру превращают в антикультуру (Чеховский театральный фестиваль).

В числе внешних факторов, несущих опасность российской правовой системе, следует назвать теорию глобального гражданского общества, мирового государства, мирового права, мирового порядка, разделенного суверенитета, аккультуризации права и др. Например, теория мирового права направлена на стирание различий в национальных правовых системах, ее сторонники считают, что мировое право будет пригодным для всех стран и народов как высший уровень мировой правовой цивилизации. Эта теория аналогична теории несбыточного мирового коммунизма, которая потерпела исторический крах. Теории мирового права и мирового порядка находили поддержку в трудах наших известных ученых (В.С. Нерсесянц, Л.С. Явич).

Правда, написаны были в условиях «демоэпифории» (90-е годы XX в. — начало 2000-х годов).

Среди идей, несущих опасность для развития, укрепления и совершенствования российской правовой системы, а также оценки ее исторической роли, следует обратить внимание на высказывание западного исследователя Аннерса, который утверждает, что российская правовая система развивается вслед за передовыми правовыми системами, такими как романо-германская и англосаксонская. Подобные утверждения абсолютно не соответствуют исторической правде. Когда Вильгельм Завоеватель еще не высаживался на английский берег (1066 г.) и англосаксонской правовой системы не было и в помине, на Руси уже действовал отличный правовой документ — Русская Правда 1016 г., а до рецепции римского права в Западной Европе в русском законодательстве уже использовались положения и юридическая техника Восточной Римской Империи (Византии).

В целях восстановления исторической правды следует разобраться с вопросом исчезновения из системы правовых семей славянской правовой семьи, которая была признана на первом и на втором конгрессе ученых-компаративистов. Непонятно, почему российские ученые относятся к этому вопросу безразлично. Славянскую цивилизацию никто не отрицает, славяне — самый крупный этнос Европы, а славянская правовая семья исчезла из правовых систем современности. Неужели виноват в этом Рене Давид, который в своей работе «Сравнительное правоведение» ее не назвал и тем самым решил судьбу славянской правовой семьи?

Е.А. Фролова, и.о. зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук. *Связанность государства правом: теоретический аспект*

Идея связанности государства правом предполагает необходимость установления пределов всемогущества государства. Логически, исторически, практически возможно расхождение и даже противостояние между правом, которое поддерживает государство, и правом желательным, исходящим от членов общества. Задача мудрого правителя — своевременно снять это противоречие, не допустив разрушительных процессов в социуме. Возникает теоретический вопрос: связано ли государство правом, источником которого оно само является?

Прежде всего следует заметить, что проблема связанности государства правом имеет метаюридический характер и не может быть решена в рамках юридического позитивизма, с точки зрения которого государство себе ничего предписать не может. В концептуальном плане существует два варианта ответа на вопрос связанности государства правом. Во-первых, теория самоограничения государства

(Р. Иеринг), согласно которой право является хорошо понимаемой политикой силы, и благоразумие принуждает властвующих к самоограничению. Во-вторых, теория ограничения государства правом: государство сдерживает свои интересы в созданных им самим рамках, поскольку нарушению этих границ мешает право (Г. Еллинек, Г. Гроций, Б. Спиноза, Дж. Локк и др.).

Комментируя эти конструкции, специалисты теоретико-правовой науки задаются несколькими вопросами: если ограничение деятельности власти имеет правовой характер, то где найти эту высшую волю (источник), которая была бы обязательна для воли государства? Далее, обретя такую высшую силу, диктующую волю государству, не лишается ли последнее своего системообразующего признака – суверенитета? В то же время если государство устанавливает границы своей деятельности, то что может ему помешать переставить их с учетом изменившихся обстоятельств или в силу каких-либо иных внутренних или внешних причин? Может ли в таком случае государство, этот «великий Левиафан», выступать гарантом естественных прав человека (по Локку, например, государство создавалось только с целью обеспечения прав индивида)?

Логически следует признать, что право должно быть создано или допущено государством. Право есть функция государства. Исторически нормы (например, в области семейных отношений) могут предшествовать государству, но правовыми предписаниями они становятся только с того момента, когда государство обеспечивает их исполнение своими силами.

В чем же реально проявляется связанность государства правом? Деятельность государства регулируется правовыми нормами, возникающими и подлежащими изменению только в установленных правом формах, т.е. такая норма обязательна и для органов государства. В этой обязательности проявляется связанность деятельности государства, поскольку всякая правовая норма дает право ожидать, что она ненарушимо будет применяться до тех пор, пока не будет установлено правомерного основания к ее отмене. Таким образом, каждая норма права есть гарантия того, что пока это право действует, государство ему тоже подчиняется.

Вместе с тем следует помнить, что любая гарантия, исходящая от «рук человека», обладает лишь относительным характером. Поэтому согласимся с мнением Г.Ф. Шершеневича: «Дело не в том, чтобы связать государство правовыми нитками подобно тому, как лилипуты связали Гулливера. Вопрос в том, как организовать власть так, чтобы невозможен был или был доведен до минимума конфликт между правом, исходящим от властвующих, и нравственными убеждениями подвластных. Для этого

не надо изображать мнимые правовые гарантии, а следует лишь раскрывать нравственный долг гражданина в связи с сознанием личного интереса»⁶.

По существу, проблема связанности государства правом есть тема правового государства. Уже к XVII в. было понятно, что политическое отчуждение между верховной властью и народом необходимо снимать с помощью права. В то время теории общественного договора и естественного права явились способами решения этой проблемы. К XVIII–XIX вв. получила развитие мысль, согласно которой государство должно подчиняться юридическим законам, обеспечивающим права и свободы человека, т.е. ставилась задача устроить государство таким образом, чтобы оно стало правовым. На решение этой задачи направлен механизм разделения властей как системы сдержек и противовесов в системе органов государственной власти, создающей гарантии правомерности деятельности каждой из них. Однако необходимо понимать, что правовое государство есть не только способ организации власти. Это главным образом состояние государственной власти на всех ее уровнях и во всех проявлениях, на что обращали внимание философы права Нового времени.

Правовое государство справедливо соотносят с гражданским обществом, основу которого составляет самодостаточная личность со своими потребностями, интересами, запросами. Одной из гарантий разумности и справедливости общества признается необходимость правления в нем «законов, а не персон». Вместе с тем хорошо известно, что законы бывают разные и не все они имеют целью обеспечить права и свободы человека. Многие известные политико-правовые проекты («Законы» Платона, «Кодекс природы» Морелли, «Город Солнца» Кампанеллы, «Путешествие в Икарию» Кабе) содержат тщательную регламентацию жизни человека, не имеющую ничего общего с правовым состоянием государственной власти, а напротив, свидетельствуют о сословном, казарменном, тоталитарном режиме.

Во избежание завышенных ожиданий от деятельности государства и создания только лишь умозрительных проектов представляется необходимым оценивать реальное соотношение институтов государства и общества, а право – в качестве важнейшего регулятора социальных отношений. Для нашего общества в XXI в. актуальными остаются проблемы подчинения государства праву, осуществления гарантий законности действий государственных органов и должностных лиц,

⁶ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учеб. пособие: в 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 258, 259.

совершенствование системы правосудия и других правоохранительных органов.

В.Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права ИГП РАН, д-р юрид. наук, д-р филос. наук. *Государство как категория метафизики*

30 лет назад было объявлено о распаде СССР. Следствием этого события стали колоссальные территориальные потери, многократное ослабление политической, экономической и военной мощи России, а русский народ стал разделенным. В очередной раз в русской истории был поставлен вопрос о судьбе нашей государственности, а значит, и о судьбе русского народа и русской культуры. Государственность любого народа – это не просто институты власти, это духовное ядро его национальной культуры. Борьба за сохранение своего государства означает борьбу за свою национальную культуру, за физическое и духовное выживание народа.

В европейской традиции под метафизикой обычно понимают философию, которая опирается на аксиомы, берущиеся на веру. В этом смысле и идеализм, и материализм есть разновидность метафизики. Так, гносеология, онтология и философия истории марксизма есть типичная метафизика, поскольку доказать первичность материи перед сознанием, конечность человеческой души и неизбежность коммунизма невозможно, в это можно только верить. Ядро метафизической философии – мировоззрение, смысловые модели, при помощи которых индивиды, социальные страты и народы в целом определяют принципы своего бытия, основы своего взаимоотношения с миром. Любая нация осознанно или неосознанно создает собственные смысловые модели, становящиеся затем опорой их исторической целеполагающей деятельности. Метафизика если не в форме теоретической философии, то в форме смысловых моделей всегда живет в политическом сознании нации. Государство – это люди, распределенные по властным институтам и наделенные сознанием, волей, нравственностью, инстинктами и эмоциями. Государство как тотальная целостность скрепляется сознанием нации и ее политического класса. Любой правящий класс и сформированная им верховная власть с необходимостью обращаются к смысловым моделям, чтобы устанавливать цели и выбирать средства их достижения. Распад национального политического сознания с неизбежностью влечет за собой распад государства. Изменение смысловых моделей политического сознания ведет

к большей или меньшей трансформации национальной государственности вплоть до ее полного исчезновения.

Политическое сознание русского народа и его правящего класса на протяжении многих веков содержало в себе два главных императива: русский православный мессионизм и идея русского имперского государства. В данном случае под империей понимается государство, претендующее на руководящую роль среди других народов и государств и подчиняющее их себе тем или иным способом (экономическим, политическим, военным). Мировой опыт империй показал, что они ломают национальные перегородки и создают государство, универсальное по своим свойствам. Имперское государство гасит войны между народами на своей территории, устанавливает твердый порядок и гарантирует безопасность. Русское имперское сознание формируется в эпоху Московского царства (XIV–XVI вв.) и достигает своего апогея в период романовской России. Церковный раскол второй половины XVII в. показал, что русские ощутили в себе способность быть центром православного мира не только в религиозном, но и в политическом отношении. Русское имперское государство естественным образом выросло из русского православного мессионизма, о чем много писали славянофилы, Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев. После 1917 г. Российская Империя трансформируется в империю советскую, СССР становится типичным имперским государством. Современная Россия продолжает сохранять в себе черты империи, а русское политическое сознание продолжает оставаться во многом имперским.

Одна из главных проблем российской государственности, которая доминирует последние примерно 300 лет (начиная с реформ Петра I), – это имплантация либерального западнического компонента в русскую культуру и русское политическое сознание. Примерно с конца XVI в. в отечественном сознании возникают две тенденции, существующие и по настоящее время: русское западничество и русское антизападничество. Эти тенденции возникают как следствие осознания технической и технологической отсталости России от стран Западной Европы. Они представляют собой противоречивое единство русского национального сознания, обе тенденции внутренне противоречивы, их борьба может приобретать разрушительные формы. Идеи русского западничества (ценность личности, верховенство права, парламент) изначально были не свойственны русской культуре, но с течением времени они все больше и глубже ее пронизывают. Русские стремятся в сторону Европы, хотят стать подлинными европейцами. Россия по многим параметрам – Европа, а русский народ – европейский. Сближение с Западом – необходимое

и неизбежное направление русской истории. Вместе с тем западничество, порождая политическую либерализацию, способно влечь за собой национальный и региональный сепаратизм. Опыт последнего столетия показывает, что либерализация, исходящая от центральной власти, невольно, сразу и с необходимостью запускает процесс этнического и регионального сепаратизма. Либерализация нередко воспринимается в национальных регионах как сигнал для интенсивного строительства своих политических институтов.

Русское антизападничество также противоречиво. С одной стороны, оно мотивировано сохранением национальной идентичности, традиционно сильной государственной власти, с другой — невольно и подсознательно во многом опирается на смысловые модели западной культуры, делает их своими образцами. Так, русские консерваторы XIX — первой трети XX в. ополчаются на Запад, потому что осознают отсталость России и устремленность образованных слоев российского общества к стандартам западноевропейской культуры. Они ставят перед собой трудновыполнимую задачу: придать России европейскую привлекательность, сделать ее передовой в области техники и технологии, сохранив ее культурное ядро, сформировавшееся в средневековье. Другой пример — советский социализм, который представлял собой радикальное антизападничество, возвращенное на идеях западноевропейского социализма. Маркс, когда разрабатывал свою теорию социализма, имел в виду, конечно, не лапотную, неграмотную, крестьянскую Россию, а знакомую ему Западную Европу с развитой индустрией, демократией и высокой правовой культурой.

Конституция РФ 1993 г., если рассматривать ее в контексте философии русской истории и истории русской государственности, в контексте единства и борьбы двух названных тенденций, производит двойственное впечатление. С одной стороны, Конституция являет собой идеал либеральной демократии, выражает чаяния русского западничества, т.е. соответствует некоей объективной исторической тенденции русской государственности. С другой — она стала следствием катастрофического ослабления центральной власти, образовавшейся на обломках СССР, и во многих своих положениях представляется оторванной от действительности. В этой связи поправки к Конституции, принятые в 2020 г., смотрятся как естественный процесс укрепления российской государственности.

Основной вывод из вышеизложенного следующий: современное Российское государство — это очередной этап русской государственности, важнейшая черта которой — ее переходный характер. Россия все еще переживает т.н. «эпоху перемен».

На протяжении последних 30 лет она мучительно ищет новую политическую форму, которая позволила бы ей обрести устойчивость, стабильность и динамическое развитие в сторону гармоничного соотношения либеральной демократии и исконно русского централистского начала. Поскольку всякое общественное сознание — вещь крайне консервативная, сроки этого переходного периода будут весьма длительными.

В.С. Горбань, главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного Центра философско-правовых исследований ИГП РАН, д-р юрид. наук. *Идея и практика законности в России и за рубежом*

Будущее юридической науки зависит не от пустых мечтаний о чрезвычайно рациональном человеке, обладающем здоровой правовой психикой или нормальным правосознанием, но прежде всего от того, насколько эффективно функционируют те институты, которые исторически давали возможность для мирного, справедливого и свободного сосуществования людей. Однажды М. Вебер, размышляя о соотношении хозяйственного и правового порядков, начертил контуры красивых идеальных образов для их независимого сосуществования, но при этом указывал, что практически нужно совершенно другое, что индустриальное общество необходимо и все возрастающее нуждается в обеспечении порядка, и он становится все сложнее и сложнее. В связи с этим на примере идеи и практики законности возможно внимательнее посмотреть на актуальные вызовы для государства и права в начале XXI в. Казалось бы, вполне тривиальная идея законности, но совершенно необходимая. Она существует давно, еще с античности. Хорошо известна формула о правлении законов, а не людей. Но сегодня ее стремятся подменять различными вариантами ссылок на некий вариант правового общения, дискурса, «мягкого» права и т.п. Существуют даже такие причудливые трактовки, как предлагаемые представителями некоего движения, так по крайней мере они себя обозначают, под названием «новый правовой реализм» (распространен в основном в США, Австралии и Англии). Они уверяют, что все юридические понятия и принципы (законность, юридическая сила, правовая норма и т.п.), на которых строилась и формировалась много сотен лет юриспруденция, нужно сдать в утиль, отказаться от них как лишённых прагматического смысла: якобы не служат они удовлетворительно для современного человека, ограничивают его бесконечно свободные желания. Сам призыв не нов. Борьба с юридическими понятиями велась под разными лозунгами на протяжении последних двух столетий. Но ныне призыв такого рода звучит существенно

радикальнее. К сожалению, надо вспомнить, что, например, К. Шмитт в свое время уверял, что народного правотворчества, ничем не ограниченного в своих пожеланиях, будет вполне достаточно для счастливой жизни, но это среди прочего привело к «правовой» теории национал-социализма.

Законность — сложная и большая задача, которая обязательно должна обеспечиваться в жизни общества и государства, да и каждого отдельного гражданина. Р. Иеринг подчеркивал значение участия каждого в осуществлении права — это неустанная работа всей нации и каждого в отдельности. Законность часто упрощается: ее то рассматривают как формальную характеристику, то связывают с определённым историческим опытом. Например, делают отсылку к социалистической законности, как будто бы они неразрывны, а сегодня предлагают говорить не о законности, а о коммуникации и аргументах, о текстах и фактах, о мифических конструкциях как правовых понятиях, о сложных иррациональных психологических импульсах и эмоциях, как бы являющихся собственно правом.

Говоря о законности, даже сейчас делаются некоторые важные теоретические и исторические уточнения. Так, например, сравнение переводов текстов Аристотеля на разные языки натолкнуло на уточнение одного из понятий, которое употреблялось в его работах. В частности, в некоторых текстах предлагался такой перевод, как «правосудность», однако сопоставление нескольких различных вариантов дает возможность сделать уточнение, что у Аристотеля использовался термин «законная справедливость».

Например, в текстах Канта, там, где он различает легальность и моральность поступков, предлагаются не немецкие юридические термины, а латинские, которые фиксируют смысл размышлений на подборе терминов. Но тогда такая латинизация (хотя Кант был пиетистом) должна была бы сопровождаться употреблением латинского термина слова «право» — “jus”. Однако Кант использовал немецкий термин “Recht”, “Rechtslehre”. Для понимания слова «легальность» он в скобках приводил немецкое слово «правомерность».

В текстах Вебера использовалось слово «легитимность». Поскольку оно прочно было увязано с французским употреблением латинского варианта и по смыслу означало правление законов, а не людей (в контексте идей Французской революции), переводчики, современники Вебера, переводили этот термин словом «законность», т.е. законность власти. Однако под влиянием социологических и политологических интерпретаций термин вдруг приобрел совершенно новый смысл. М.С. Строгович резко критически отзывался о противопоставлении законности-легальности и законности-легитимности.

Как оценивается законность? Как замеряется законность? Если посмотрим на официальную статистику, то, например, в ФРГ с 1992 г. показатели преступности находятся постоянно в диапазоне 5–6 млн преступлений в год. Не считая административной практики, латентной преступности, статистики гражданских и иных аналогичных дел. В России регистрируется в среднем порядка 2 млн преступлений в год. Например, председатель Совета судей ФРГ Й. Гниза выпустил книгу под названием «Конец справедливости. Судья бьет тревогу»⁷, в которой изложил 20 симптомов катастрофического, по его мнению, системного кризиса идеи и практики законности в его стране.

В этой связи необходимо основательно поработать над составлением и уточнением юридического лексикона, причем по возможности не использовать термины без понимания и подлинно научного разъяснения их смысла и содержания. Нужна не подсказанная и импортированная история правовой мысли и юридическая теория, а та, которая знает и отражает в первую очередь разную, многостороннюю собственную политико-правовую культуру, непредвзято и без априорных восхищений анализирует и сравнивает отечественный и зарубежный опыт, кропотливо работает с историческим материалом.

С.В. Липень, профессор кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук. *Российская государственность и вызовы первой четверти XXI в. в контексте сетевизации и виртуализации общественных отношений*

Категория «вызов» не имеет большого распространения в юридических исследованиях, но она активно используется в иных общественных науках — в политологии, науке управления и др. Она вполне приемлема в плане системного обозначения возможных рисков, угроз, опасностей, негативных факторов, деструктивно влияющих на развитие правовой системы общества; она вполне удобна для четкого понимания и исследования предполагаемых ответов, которые необходимо давать на соответствующие вызовы.

В первой четверти XXI в. остаются извечные вызовы российской государственности, обусловленные особенностями культурно-исторического развития России, ее геополитическим положением, необходимостью эффективного государственного управления и правового регулирования. Современный этап развития общества в условиях четвертой промышленной революции характеризуется процессами цифровизации, сетевизации, виртуализации общественных отношений, говорит

⁷ Gniza J. Das Ende der Gerechtigkeit: ein Richter schlägt Alarm. Freiburg im Breisgau, 2017.

о правовом киберпространстве, об электронном государстве, правительстве, правосудии, документообороте, законодательстве и т.д. Принципиально новый уровень взаимодействий и коммуникаций предоставляет и принципиально новые возможности организации власти и государственного управления; активное развитие получают политико-правовые идеи, порывающие с существующей интеллектуальной традицией обоснования основ конституционного строя. Это, по сути, новые вызовы российской государственности.

Так, речь идет о том, что компьютерные и интернет-технологии задают новую, сетевую структуру управления и принятия политических решений. Сетевизация общественных отношений предполагает децентрализацию власти, сетевое государство характеризуется децентрализацией власти, приоритетом горизонтальных связей, едва ли не равноправным положением государства среди иных политических акторов. «Новая геометрия власти» характеризуется и новыми подходами к управленческой деятельности, речь может идти о неспособности старых вертикальных иерархий, представленных традиционно формируемым бюрократическим государственным аппаратом, к адекватному политическому управлению и принятию эффективных управленческих решений.

Изменения социально-политического пространства в первой четверти XXI в. характеризуют и процессы виртуализации власти, политики, управления, государства; компьютерные и интернет-технологии создают особую реальность – виртуальное пространство, в котором находятся и действуют «цифровые двойники», происходят отражающие реальность и параллельные ей цифровые процессы. Новые теории, связанные с виртуализацией политической жизни, могут быть противопоставлены традиционным подходам к политико-правовой системе. Развиваются идеи о нивелировании в той или иной степени суверенной национальной государственности в силу или фактического поглощения ее международными политическими или корпоративными структурами, или растворения среди иных субъектов политической системы (вследствие все больших возможностей влияния институтов гражданского общества на процесс принятия политических решений). Различные виды деятельности все активнее перемещаются в виртуальное пространство, в котором действуют свои нормативные системы, формируются свои правовые порядки и которое сложно поддается эффективному контролю. Таким образом, речь может идти о том, что политический и правовой плюрализм сетевого виртуального пространства в значительной части нивелирует суверенитет национального государства. Есть и противоположные опасности – новые векторы развития

авторитаризма, деструктивных воздействий, манипуляций, противоправной деятельности.

Юридическая наука в целом не признает идеи о системном кризисе основанной на традиционных подходах политико-правовой системы в условиях глобализации, цифровизации, сетевизации и виртуализации общественных отношений. Конституция РФ, конституционные поправки 2020 г., Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, иные документы стратегического планирования исходят из необходимости развития России как суверенного демократического государства. Юристы в целом вполне адекватно воспринимают проблемы современного сетевого общества и виртуализации общественных отношений; исследователи готовы (в т.ч. и в рамках сетевой терминологии) анализировать процессы формирования «новых геометрий власти», давать адекватные ответы на современные вызовы. Идеи сетевизации и виртуализации властеотношений вполне сочетаемы с классическими политико-правовыми доктринами государственного суверенитета, демократии и прав человека, правового государства и разделения властей. В свою очередь, сами эти доктрины должны претерпеть определенную трансформацию с учетом новых вызовов цифрового общества. Так, речь может идти о новых моделях властеотношений, предполагающих усложнение горизонтальных и вертикальных взаимодействий, о новых формах взаимодействия государства и институтов гражданского общества, о новых подходах к развитию системы источников права и законодательства, к правовым порядкам реальной и виртуальной правовых пространств.

Б.Я. Гаврилов, профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, д-р юрид. наук, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ. Уголовный проступок в условиях современных вызовов преступности

В России начиная с 2000-х годов в числе ключевых обозначена проблема либерализации уголовного законодательства, включая декриминализацию отдельных видов преступлений и снижение уголовно-правовых санкций тех из них, уровень общественной опасности которых значительно ниже, чем многих преступлений. Ее решение возможно путем возвращения в российское законодательство уголовного проступка. Об актуальности данной проблемы свидетельствует и развернувшаяся дискуссия среди научной общественности, практикующих юристов, конечной целью которой являются:

снижение уровня уголовной репрессии, показатель которой к 1 января 2000 г. достиг 1 млн 10 тыс. граждан, содержащихся в местах лишения

свободы, включая заключенных под стражу в период расследования⁸;

реализация предложений представителей научной общественности и практиков об исключении из КоАП РФ деяний, пограничных по степени общественной опасности с преступлениями (например, ст. 7.27 КоАП РФ, диспозиция которой к мелким хищениям относит кражу на сумму 2.5 тыс. руб., и ч. 1 ст. 158 УК РФ при сумме похищенного, на один рубль ее превышающую), или деяния о незаконном обороте наркотических средств, где граница между преступным и административным деянием также является нередко условной, на что неоднократно обращал внимание проф. А.В. Федоров;

исключение из ст. 14 УК РФ ее части второй, негативные последствия которой заключаются в создании для правоприменителя возможности принятия по заявлениям и сообщениям граждан и организаций о преступлениях процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела, число которых в 2015–2021 гг. ежегодно составляло от 5.5 до 6.8 млн, чем нарушаются конституционные установления о доступе граждан к правосудию и возмещению причиненного ущерба (ст. 52 Конституции РФ);

снижение уровня латентной преступности, значительный рост которой является причиной профанации статистических данных о состоянии преступности, показатель которой только за последние 15 лет сократился на 48% (с 3.853 млн преступлений в 2006 г. до 2.004 млн в 2021 г.), составив 1400 преступлений на 100 тыс. населения, что в четыре-пять раз ниже, чем в Германии, Франции, Италии и в восемь раз ниже аналогичного показателя преступности в Скандинавских странах, где обеспечение уровня общественной и личной безопасности существенно выше, чем в Российской Федерации. В этой связи представляется необходимым изложить мнение проф. В.В. Лунева о том, что «общество не знает реального объема преступности, ее полных социальных последствий, действительной эффективности борьбы с преступностью, во что она фактически в целом обходится нашему обществу».

Научная дискуссия по проблеме возвращения в российское законодательство уголовного проступка свидетельствует о неоднозначном к ней отношении. Так, проф. Л.В. Головкин высказывается об отсутствии для этого правовых оснований. По мнению заместителя Председателя Верховного Суда РФ (в почетной отставке) А.А. Толкаченко, «в современных условиях введение уголовного проступка... и судопроизводство по нему сами

по себе не способны оказать принципиального влияния на уголовную политику и практику применения уголовного законодательства».

Исследуя проблему возвращения в российское законодательство уголовного проступка, представляется необходимым обратиться и к социально-правовому обоснованию принятия законодателем данного решения, что изложено в трудах видных российских ученых С.Г. Келиной, Г.А. Кригер, Н.Ф. Кузнецовой, М.Д. Шаргородского и др., в которых обоснована идея о выделении в российском уголовном законодательстве указанного вида общественно опасных деяний. Сегодня в научной полемике участвуют С.В. Максимов, Е.В. Рогова, В.Н. Сизова, В.Ф. Цепелев, а также автор и др.

Представляется актуальным внесение Пленумом Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24-П проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», которым к уголовным проступкам предлагается отнести 121 состав преступлений небольшой тяжести, включая 29 противоправных деяний в сфере экономической деятельности, санкции по отдельным из которых предусмотрены в виде лишения свободы до четырех лет (законопроект № 1112019-7 от 15.02.2021 г.).

При обсуждении проблемы следует учитывать, что в уголовном законодательстве в настоящее время уголовно-правовые запреты присутствуют в быту, о чем наглядно свидетельствует складывающаяся на протяжении трех последних десятилетий ситуация с привлечением к уголовной ответственности ежегодно в 1992–2001 гг. более 1.5 млн взрослого населения страны, а в 2012–2017 гг. — около 900 тыс., в 2018 г. — 831 тыс. и в 2020 г. — 739 тыс. граждан.

Исследование криминологического обоснования введения уголовного проступка требует изучения и основных тенденций преступности. Проведенный автором совместно с Е.В. Роговой анализ преступлений небольшой тяжести свидетельствует о том, что в 2005–2009 гг. доля осужденных за них ежегодно составляла 35–36%, в последующие годы она увеличилась до 46.2% и сегодня превысила 50% от общего количества осужденных. Это позволяет предположить, что значительную часть данного вида уголовно наказуемых деяний возможно выделить в группу уголовных проступков. Об этом же свидетельствуют и статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ о судимости за наиболее распространенные виды преступлений небольшой и средней тяжести, в т.ч. экономической направленности, согласно которым, например, более 75% осужденным по ч. 1 ст. 158

⁸ На 01.10.2021 г. их число сократилось до 483 тыс. граждан.

УК РФ назначено наказание, не связанное с реальным лишением свободы.

Возвращение в Уголовный кодекс РФ категории уголовных проступков позволит разрешить и проблемному правоприменению ч. 2 ст. 14 УК РФ о противоправных деяниях, в силу малозначительности не являющихся преступлениями. Будучи оценочной, данная норма предоставляет правоприменителю возможность по своему усмотрению решать вопрос о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении уголовного дела (статистические данные приведены выше), либо о его прекращении как на стадии предварительного расследования, так и в процессе судебного разбирательства.

Отнесение к уголовным проступкам части преступлений небольшой и средней тяжести, перевод из КоАП РФ отдельных правонарушений с одновременным исключением из уголовного законодательства ч. 2 ст. 14 УК РФ позволит адекватно действительному характеру и степени общественной опасности статистически представить преступность (как зарегистрированную, так и по судимости) на две основные группы – уголовные проступки и иные преступления.

А.В. Безруков, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, д-р юрид. наук, доц. Конституционные преобразования как фактор укрепления российской государственности

Конституция РФ определяет основу для построения и укрепления российской государственности, закладывает ключевые параметры для системы конституционного законодательства и организации органов публичной власти. В числе средств укрепления российской государственности следует рассматривать проведение необходимых и конструктивных конституционных преобразований. Анализ конституционной реформы 2020 г. в России выявил три основные тенденции:

укрепление государственности и территориальной целостности Российского государства в переплетении с социально ориентированными положениями Конституции РФ, основанными на установленных в гл. 1 Конституции РФ базовых конституционных ценностях правового демократического социального федеративного государства, где человек, его права и свободы – высшая ценность (ст. 1, 2, 4, 5, 7);

установленная поправочным Законом категория и идея «единства публичной власти» обоснованно введена на конституционный уровень в русле укрепления российской государственности, однако в представленном виде она не вполне коррелирует с положениями ст. 12 Конституции РФ о самостоятельности местного самоуправления и отделении

органов местного самоуправления от органов государственной власти;

изменяется конфигурация публичной власти, помимо тенденции сближения государственной и муниципальной власти ощутимо изменяются (перераспределяются, расширяются, урезаются) полномочия многих федеральных органов государственной власти.

В целом проведенный этап конституционных преобразований следует оценить позитивно (развитие исходных конституционных ценностей в положениях скорректированных глав 3–8 Конституции РФ, попытка укрепления российской государственности с акцентом на упрочение территориальной целостности и государственного единства России, установления сбалансированных властных полномочий). Вместе с тем не удалось избежать некоторых «перегибов» в балансировке полномочий между федеральными органами государственной власти (прямое руководство Президентом РФ и ответственность Правительства РФ перед ним, формальное согласование, точнее, ни к чему не обязывающее консультирование с Советом Федерации кандидатур министров «силового блока», Генерального прокурора РФ и т.д.).

Только последовательное, своевременное, обоснованное и качественное проведение конституционных преобразований предопределяет эффективную реализацию конституционных принципов российского федерализма, суверенного демократического и правового государства (ст. 1–5 Конституции РФ) в гармоничном сочетании с конституционно установленной задачей обеспечения единства публичной власти и укрепления Российского государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценность конституционализма. М., 2020.
2. *Валянкий С.* За какие идеи мы умираем. М., 2005. С. 286.
3. *Крашенинникова В.* Слышать протест // Лит. газ. 2021. 10–16 нояб.
4. *Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В.* Обзор методологического семинара на тему «Цифровое право: методология исследования» (18 апреля 2019 г., Саратовская государственная юридическая академия, Саратовский филиал Института государства и права РАН) // Государство и право. 2019. № 8. С. 122–128. DOI: 10.31857/S013207690006253-0
5. *Нонте С.* Франция. Полная история страны. М., 2020. С. 277.
6. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права: учеб. пособие: в 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 258, 259.
7. *Gnisa J.* Das Ende der Gerechtigkeit: ein Richter schlägt Alarm. Freiburg im Breisgau, 2017.

REFERENCES

1. *Baburin S.N.* The Moral State. Russian view on the value of constitutionalism. М., 2020 (in Russ.).
2. *Valyansky S.* For what ideas we die. М., 2005. P. 286 (in Russ.).
3. *Krashennnikova V.* To hear the protest // Lit. gas. 2021. November 10–16 (in Russ.).
4. *Mal'ko A.V., Afanasyev S.F., Borisova V.F., Krotkova N.V.* Review of the methodological seminar on “Digital Law: research methodology” (April 18, 2019, Saratov State Law Academy, Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences) // State and Law. 2019. No. 8. P. 122–128. DOI: 10.31857/S013207690006253-0 (in Russ.).
5. *Nonte S.* France. The complete history of the country. М., 2020. P. 277 (in Russ.).
6. *Shershenevich G.F.* General Theory of Law: textbook: in 2 vols. 1995. Vol. 1. P. 258, 259 (in Russ.).
7. *Gnisa J.* Das Ende der Gerechtigkeit: ein Richter schlägt Alarm. Freiburg im Breisgau, 2017.

Сведения об авторах

КРОТКОВА Наталья Викторовна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
SPIN-код: 1035–1892
ORCID ID: 0000-0003-2853-1287

ПОЖАРСКИЙ Дмитрий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России; 125993 г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

Authors' information

KROTKOVA Natalya V. – PhD of Law, leading researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

POZHARSKY Dmitry V. – Doctor of Law, associate Professor, Head of the Department of State and Legal Disciplines of the Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation; 8 Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 125993 Moscow, Russia